

МУЗЕЙ СМЕРТИ

Мистические детективы Тамоникова

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МУЗЕЙ СМЕРТИ

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Музей смерти / Тамоников Александр Александрович. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.
ISBN 978-5-04-096803-9

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория г. Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом — новый роман А. Тамоникова.

К бывшему спецназовцу, а ныне руководителю частного детективного агентства Никите Ветрову обратился директор Музея погребальной культуры Сергей Борисович Якушин. В последнее время на территории музея с пугающей частотой стали случаться ЧП: пожар, попытка ограбления, обрушение потолка, затопление... В конце концов при странных обстоятельствах едва не погиб один из посетителей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2018
© Фотографии, Якушин С.Б., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096803-9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Видение последнего боя было необычно ярким, динамичным и страстным. Канва не менялась — менялись вкусовые добавки. Режиссер моих видений не любил повторяться. Два осколочных выстрела, выпущенные гранатометом «РПГ-7», рвутся перед носом головного джипа, и машина по красивой дуге уходит в кювет, встречаясь с глинистым водостоком. Зад внедорожника подлетает, падает обратно. И я сижу не где-нибудь в курилке на базе, а в этой самой головной машине! Меня выбрасывает через лобовое стекло — успеваю сгруппироваться, и основной удар приходится на шлем и плечи. Разлетается стекло, галдят люди. Я качусь в неприступную Ливийскую пустыню, а за спиной все грохочет. Секретный груз, перевозимый нашим подразделением из Триполи в никудышный городок Аль-Шейх, находится в двух пикапах позади головных машин. Три джипа сопровождения — два впереди, один сзади. Процедура стандартная, никогда не нарывались на засаду! «АКС» кувьркается вместе со мной. Финальный

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

удар головой о камень, брызги света... впрочем, тоже стандартные. Шлем выдерживает. Слева скалистая гряда, за ней и засело вражье войско. Я прихожу в себя, валюсь за камень и бью по головешкам, мелькающим на гребне. В обезглавленной колонне не сказать, что полный бардак, но все драматично. Из джипа, который я только что покинул, выкатывается старший лейтенант Овсянников, залегает в водостоке и начинает палить. Водитель Терехов навалился на руль, не шевелится. Пуля из крупнокалиберного советского «Утеса» пробила шлем. Шлемы в пути не снимали, но не всегда следование инструкциям спасает жизнь. У второго внедорожника пробиты колеса, экипаж вроде цел, ищет укрытия. Замыкающая машина оцетинилась огнем. И этот джип в плачевном состоянии, разлегся брюхом, пламя из капота. Рвутся гранаты, дым — как из башен Всемирного торгового центра. Пикапы целые — они бронированные, колеса защищены стальными закрылками. Пятится машина с грузом, упирается в расквашенный джип. Пока не видно отступлений от реальности, но все еще впереди! Рычит майор Незнамов — командир группы: к бою! Груз выводить из-под огня! Второй выстрел взрывается в опасной близости. За что мне такая честь? Осколки минуют, я лежу за камнем, голова гудит и тошнит, как на первом месяце беременности. Продолжается огневая дуэль. Вскрывает боевик с «калашом», но тут же роняет автомат и катится по склону. Боевики

МУЗЕЙ СМЕРТИ

уплотняют огонь, но и бойцы особой группы Центра специальных операций не сегодня родились. Они уже в укрытиях, сосредоточены, стреляют прицельно, и еще парочка «духов» отправляется к чертовой матери. Но что это? На юге клубы пыли, катят пикапы, набитые вооруженной публикой, трещат пулеметы!

— Все туда! — Майор Незнамов тычет пальцем и откатывается. «Туда» — это справа от дороги. Заброшенное здание, похожее на ферму — длинное, неприглядное, с черными провалами глазниц. Возможно, бывшая автомастерская — перед зданием обширный пустырь, остовы сгоревших легковушек. Спецназ заливает врага свинцом, доставая еще парочку бандитов. Виталий Овсянников из канавы швыряет гранаты. Они рвутся у подножия скалы, создавая завесу. Пикапы с ценным грузом уходят вправо от дороги, несутся к двустворчатым воротам. Там действительно в лучшие годы «кровавого» режима работала автомастерская с собственным гаражом — головной пикап разносит створки, влетает внутрь, за ним второй...

Захлебывается «Утес» на гребне скалы, но проблема решена — меткий выстрел сбивает пулеметчика, как кеглю, громоздкий пулемет валится вниз. Приближается пыльное облако. Внезапно здание с глазницами обрастает стеной огня — водители стащили с кузовов пулеметы «ПК», установили в окнах. Это реально дружеский огонь! Пикапы боевиков разносит, словно урага-

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ном. Спецназ покидает позиции, бежит к зданию. Остаются раскуроченные внедорожники, мертвый Терехов за рулем — царствие ему небесное! Часть бойцов перебегают, остальные прикрывают, потом меняются. Вскрик — подстрелили капитана Карамышева, пуля в ногу. Его подхватывает здоровяк Бельш, тащит на себе, а шустрый Женя Гладышев пятится за ними, стреляет веером. Люди вбегают в растерзанные ворота, ныряют в оконные проемы. Я тоже переваливаюсь через подоконник, отбиваю бок. Некогда глазеть по сторонам. Майор Незнамов скорчился за колонной, хрипит в рацию: «Муслим, Муслим, это Марракеш! Попали в засаду в двенадцати верстах от Аль-Шейха! Есть потери, груз у нас! Требуется поддержка». Виталий Овсянников припадает к соседнему окну, производит выстрел из подствольника и злобно ухмыляется — верный признак точного попадания. Катятся с горки боевики — их больше, чем думали, насаждают упыри из пикапов. Последние тоже не стоят на месте — пыль столбом, здоровенные арабы из закрепленных на турелях «браунингов» бьют по зданию. Снова вскрик — отваливается от амбразуры капитан Максимов из Калининграда, лицо залито кровью...

Спецназ несет потери, это недопустимо!

Я вертелся на кровати, обливаясь потом, не мог проснуться... Все меняется, достоверность происходящего начинает вызывать вопросы. Безоблачное небо покрывается разрывами молний, летают крылатые твари с огромными туканьими

МУЗЕЙ СМЕРТИ

клювами. Ну все, киностудия Marvel представляет! Пространство искажается, куда-то плывет. Товарищи по оружию — уродцы из кривого зеркала. Каркают «птеродактили», сыплются перья, как из разодранных подушек. Взрыв за окном, я отшатываюсь, невольно озираюсь. Искажается «интерьер». Бетонные колонны, подпирающие потолок, меняют очертания, скругляются, обрастают вычурными капителями, распределяющими нагрузку с потолка. Они напоминают виноградные гроздья. Это и есть, черт возьми, виноградные гроздья! Расплаваются стены, потолок устремляется ввысь. На полу полуметровые черные и белые плиты, уложенные в шахматном порядке. Разбитое оборудование превращается в домовины, устланные алой парчой. Все искривляется, рябит. Вия не хватает. И панночки с хорошеньким личиком. Где все? Почему так тихо? словно затычки выдернули из ушей — море красок, рев! Я разворачиваюсь, высаживаю гранату из подствольного гранатомета. С воем падающей мины пикирует крылатое чудище, складывает крылья перед приземлением. Глазищи воспаленные, страшные. Пасть такая, что легкий джип проглотит. Граната попадает в брюхо, сыплются перья, тварь падает под окно, и мне ее теперь не видно. Нужно перегнуться, вытянуть шею, но дураков нет! Я пячусь, лихорадочно меняю отстрелянный магазин. Он выпрыгивает, как черт из табакерки, с обратной стороны окна. Бородатая морда — вполне че-

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ловечья! Где рукокрылый демон? Только на носу почему-то блестят очки. Профессор террористических наук? Он скалится, хрюкает, борода развевается. Я выпускаю в него половину магазина. Во сне бывает всякое — пули летят куда угодно, только не в цель, причудливо ее огибают, а то и вовсе не желают покидать автомат. Сегодня все работает исправно, я стреляю кучно — мишень в полутора метрах. Цель поражена, разлетаются стекла очков. Но что-то не так. Мишень на месте, лишь разбитые очки сидят как-то криво. Боевик обижен, выплевывает зубную крошку, что-то шамкает беззубым ртом — мол, хороший выстрел. Он бросается на меня, игнорируя подоконник! Разверзается пасть — сноп зловонного пламени! Прямое «пушечное» попадание! Даже во сне я все чувствую, бронезилет выдерживает, распределяет нагрузку. Но боль такая, что я задыхаюсь, теряю сознание...

Пора просыпаться. Именно так я и сделал — свалился на пол. Кровать скомкана, белье на полу. В окно сквозь неплотно задернутые шторы заглядывает майское солнышко. Все прошло, развеялось. Я привык к подобным вещам, они случались регулярно. Бывало, и в бодрствующем состоянии настигали видения — впрочем, не задерживались, и в присутственных местах я в припадках не бился. На часах начало десятого, на календаре — понедельник, 28 мая 2018 года. Лето пришло в Новосибирск — зеленое, короткое и малоснежное. Я, в принципе, выспался,

МУЗЕЙ СМЕРТИ

только в горле застрял комок, тошнило, и болела голова. Смартфон на тумбочке исполнял вопли полицейской сирены. Каждому абоненту в телефоне я присвоил собственный рингтон. Я помотал головой, выгоняя остатки сна, высыпал на ладонь из флакона две таблетки (нужно одну, но где одна, там и две), проглотил их, запив водой из пластиковой бутылки. И только после этого потянулся к телефону.

— Это Никита? — осторожно осведомился Вадим Кривицкий, мой добрый однокашник, замещающий начальника уголовного розыска Центрального ОВД.

— А кого хотел-то? — проворчал я. Вадим усмехнулся.

— Но это не твой голос...

— Прекрати издеваться, — разозлился я. — Ты всегда узнаешь мой голос, даже с лютого бодуна. А сегодня, кстати, не он...

— Ой ли? — Мой старинный приятель продолжал веселиться. — А кого вчера патруль принуждал к миру на углу улиц Крылова и Каменской? Там есть кафе с таким банальным названием... — абонент задумался. — С пургой связано...

— «Ветрянка», — подсказал я.

— Да, точно, «Метелица», — вспомнил Кривицкий. — Пересказ песни: «А у кафе «Метелица» пять мужиков метелятся...»

— Я уложил четверых? — испугался я, машинально ощупывая лицо.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

— Нет, только двоих, — успокоил Вадим, — Посетитель, не будем называть его имени, вышел из кафе, случайно задел мирно курящего гражданина, у которого, как выяснилось позднее, за плечами две отсидки и товарищи рядом...

— Разрушения были? — Я сглотнул.

— А ты не помнишь?

— Помню, — смутился я. — Просто уточняю.

— Разрушения минимальные, и мирно курящие граждане, как свидетельствуют очевидцы, получили по заслугам. Патруль проверил твои документы, старший наряда позвонил мне, поскольку фамилия задержанного показалась ему знакомой. Тебя отпустили, сделав строгое внушение: нельзя так сильно бить блатных людей, поскольку этим ты отбираешь хлеб у работников правоохранительной системы.

— И меня отпустили? — не поверил я.

— А что ты хочешь, это страна возможностей, — хохотнул Кривицкий. — Здесь возможно всё. Но отчаянно рекомендую, Никита, в следующий раз держи себя в руках. Твои таланты еще понадобятся нашим сотрудникам и мне лично. Надеюсь, у тебя была железная причина напиться в хлам?

Я невольно задумался. Причина была, но мир не пошатнулся, и я не чувствовал себя глубоко несчастным. Так — слегка уязвленным. Марина, с которой я встречался последние полгода, общила, пряча глаза, что она долго думала и поняла, что я не герой ее романа. Она выходит

МУЗЕЙ СМЕРТИ

замуж — за престарелого владельца сети бургерных и шашлычных, к которому у нее вспыхнуло чувство. «Прости, Никита, ты хороший человек, но я нашла себя, — вздыхала Марина. — Все женщины хотят стать женами богатых мужчин». «Дорогая, не обманывай себя, — нашелся я. — Во-первых, не говори за всех, во-вторых, эти дамы хотят стать ВДОВАМИ богатых мужчин. Прощай, моя любовь, я уже скучаю». На этой минорной ноте Марина поспешила покинуть сомнительное заведение, а я остался и, видимо, напился. С личным богатством у вашего покорного слуги действительно проблемы. Особенно в текущем месяце.

— Ау, ты здесь? — осторожно осведомился Кривицкий.

— Прости, углубился в прошлое, — вздохнул я. — Спасибо, Вадим, это больше не повторится.

Я разъединился и бросил телефон на тумбочку. Но он опять завелся — заиграл пионерский горн, предваряющий утреннюю гимнастику. «Здравствуйте, ребята! В эфире «Пионерская зорька!» Звонила моя помощница и секретарша Римма Казаченко.

— Ну что? — простонал я.

— Никита Андреевич, вы в курсе, который час? — нагло вато осведомилась Римма. — Вы на работу сегодня придете?

— А что, опоздал? — фыркнул я.

— Нет, что вы. — Римма явно переигрывала. — Вы не можете опоздать на работу, поскольку это

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ваше агентство, и вы можете приходить, когда вам вздумается, или вообще не приходить. Так вы придете на работу?

В обязанности Риммы Казаченко входило сидеть в офисе весь рабочий день, принимать почту, отвечать на звонки клиентов и не совать свой нос в чужие дела.

— А есть смысл? — осторожно спросил я.

— Думаю, да. И поспешите. А не то выгодная работа уйдет в другое агентство. Не хочу вас расстраивать, Никита Андреевич, но деньги самостоятельно на банковский счет не ложатся. Они там появляются в результате упорной и неблагодарной работы...

Ну это у кого как. Впрочем, по поводу моих отношений с дензнаками Римма была права. Я раздраженно отбросил телефон и продолжил просыпаться. Я, в принципе, малопьющий человек (прикладываюсь часто, но немного), странно, что вчера такое случилось. С Мариной Потапенко, молодым неврологом из детской больницы Зельцовского района, я и не собирался связывать дальнейшую жизнь. «Временный роман», своеобразная почтовая станция на зимней дороге, где ямщики отдыхали и меняли лошадей. За последнее полгода я не узнал ничего нового. Только то, что окулистов теперь положено звать офтальмологами, а невропатологов — неврологами. Видимо, меня уязвило, что я тоже был «почтовой станцией». Теперь это не имело значения. В голове еще витали остатки просмотренного сна. Ви-

МУЗЕЙ СМЕРТИ

дения давили на психику, и никакие таблетки не спасали. Последний бой, когда я получил тяжелую контузию, преследовал, как назойливый коллектор. Я потерянно бродил по своей двухкомнатной квартире в центре. Тихий дворик, старый сталинский дом на улице Советской недалеко от знаменитых Федоровских бань, которые несколько лет назад снесли, а потом заново построили. Третий этаж, крохотный балкон с видом на уродливый тополь, две неожиданно просторные комнаты и крошечная кухня, на которую войти рекомендуется боком. Мама объясняла: дом строился в конце сороковых для советских людей, а им не пристало отвлекаться на готовку от строительства коммунизма. Питаться нужно в столовой, а для экстренных случаев сойдут и четыре метра. Родители в этой квартире давно не жили. Отец скончался семь лет назад, мама переехала на Затулинку к больной сестре, а после ее смерти там и осталась. Надеялась, что сын скоро женится и будет жить с семьей в престижном центре. Но сын никуда не спешил, памятуя об английской мудрости: «Брак — это долгий и скучный обед, на котором десерт подается на первое».

Хорошо, хоть мама не звонила, иначе был бы полный комплект. Я бродил по холостяцким «апартаментам», убедился, что отражение в зеркале не деформировалось после стычки с неприятелем. Значит, грамотно работал, осталась память в руках. Из зеркала в ванной смотрело взъерошенное нечто (пока неплохо сложенное